

ПОЛЛИ ПЕЙДЖ

АДЕПТКА
ПОД
ПРИКРЫТИЕМ
Операция «Ректор»

Полли Пейдж

Адептка под прикрытием.

Операция "Ректор"

<https://litres.ru/74212582>

Аннотация

Меня списали со счетов. Но не дожали. Всю жизнь я наводила порядок, будучи старшим следователем. А в финале мне досталась палата в онкодиспансере. Казалось, конец.

Ага, как бы не так! Теперь у меня новое дело, новое тело и старый враг. Я – юная адептка-изгой, а мой главный мучитель – ректор этой самой магической академии. И, о чудо, он же мой бывший, с которым у нас неоконченные счёты.

Мир магии, встречай нового игрока. Ведь я та, кто знает, где раки зимуют. И я пришла разобраться.

В книге есть:

Сильная героиня-попаданка;

Противостояние характеров;

Обязательный ХЭ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	13
Визуалы	19
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 7.1	39
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 9.1	51
Глава 10	54
Глава 10.1	58
Глава 11	61
Глава 11.1	65
Глава 12	68
Глава 12.1	73
Глава 13	76
Глава 14	82
Глава 15	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Глава 1

Вера Константиновна

Последний акт. Тишина палаты онкодиспансера гудела в ушах противнее, чем ночью комар у уха. Боль отступила, уступив место странной, ватной легкости. Капельница, как верный часовой, отсчитывала последние минуты. Я, Вера Константиновна, старший следователь полиции в отставке, готовилась к главному в жизни протоколу: окончательному.

Мысли текли вязко и сентиментально, что для меня было признаком крайней слабости. Вспоминалась юность: патрули с Петровым по ночному городу, первое задержание, смех, который слышится сквозь годы... Глупости. Бойся своих желаний, Верочка. Особенно на морфине.

— Хоть бы на миг... — прошептало где-то в глубинах сознания. — Без этой боли. Без этой беспомощности. Просто... беззаботно.

Свет от люминесцентной лампы поплыл, растекся, превратился в золотистую муть. Последнее, что я ощутила, — это не боль, а дикое раздражение. Опять эта мерзкая лампа мигает. Надо бы написать жалобу... Мысль оборвалась.

Сознание вернулось вместе с ощущением, будто меня прокатали в стиральной машине. В барабан загрузили вместе с кирпичами.

Я открыла глаза. И смотрела не на потолок больничной палаты, а на деревянные балки, от которых несло пылью и... чем-то травяным. В носу свербело.

Общежитие? — первая мысль была сугубо безумной. Где я? Меня что, выписали? Или это уже...

Я резко села. Мир поплыл. Голова трещала, как перегруженный сервер в отделении. Ноги, длинные и чужие, заплелись в какой-то простыне. Я грохнулась обратно на твёрдый матрац.

Похмелье божественного масштаба, — констатировал внутренний голос, привыкший к фактам. — Или перевалочный пункт. Выглядит как общежитие образца 80-х. Для рая — не комильфо.

Я зажмурилась, пытаюсь взять себя в руки. Протокол осмотра места происшествия. Что вижу?

Комната. Маленькая, казенная. Стол, заваленный пергаментными свитками и странными кристаллами. Стул. Сундук. И... зеркало в резной раме.

В висках застучало. Не боль — какой-то посторонний гул. И...

БАХ.

В голове, будто на неисправном экране, вспыхнуло изображение: каменный двор, толпа подростков в странных мантях. Они тыкали пальцами в бледную девушку с белыми, как лён, волосами. Хохот, злобный и придурковатый, отдавался в затылке физически. Сердце (не моё, чьё-то другое, моло-

дое и глупое) забилося в живот.

Кто это? — подумала я с отстранённым любопытством следователя, рассматривающего фото жертвы.

БАХ.

Теперь пальцы тыкали прямо в меня. В лицо. Я почувствовала жгучий стыд, унижение, желание провалиться сквозь землю. Слёзы застилали «картинку».

Стоп-стоп-стоп! — заорало во мне рациональное начало. — Это что, мои воспоминания? Я не плакала из-за таких мелочей со времён института!

Картинка погасла. Я снова дышала пыльным воздухом комнаты в общежитии. Сердце бешено колотилось. Голова была ясной, чересчур ясной. И пустой. Как после форматирования.

Медленно, как после тяжёлого ранения, я повернула голову к зеркалу.

И обомлела.

В зеркале на меня смотрела девушка. Лет двадцати двух, не больше. Лицо — кукольное, с огромными синими глазами, сейчас расширенными от ужаса. Губы — бантиком. Волосы — белый водопад до пояса. Я потянула руку (тонкую, с длинными пальцами) к лицу. Девушка в зеркале сделала то же самое.

— Ааа... — выдавила я. — Вот это номер.

Голос был высоким, колокольным, абсолютно чужим. От его звука стало ещё страшнее.

Я подошла к зеркалу вплотную, ухватившись за стол для равновесия. Рассматривала. Блондинка. Красотка. Типаж «жертва» из учебника по криминологии. Прямо просится, чтобы её побили.

Когда я просила вернуть молодость, я не совсем это имела в виду, — мысленно обратилась я к небесной канцелярии. — Я имела в виду свой характер, свои мозги, но в оболочке лет на тридцать пять. Без синдрома Золушки и вот этого... этого инфантильного выражения лица!

Нужно было действовать. Паника — плохой советчик. Я сделала глубокий вдох (лёгкие работали, чёрт побери, идеально!) и попыталась «допросить» новое тело.

Имя? — спросила я мысленно.

Тишина. Потом слабый отголосок: Л... Лира.

—Фамилия?

Альв.

—Статус?

Адептка... Академии Лунного Пламени. Первый курс...

Информация всплывала обрывками, как данные из повреждённой базы. Лира Альв. Сирота. Безродная. Способности — ниже среднего. Старается изо всех сил. Объект насмешек. Влюблена... Влюблена в ректора.

Я, Вера Константиновна, фыркнула. Ректор. Студентка. Классика жанра «Злоупотребление служебным положением». Дальше — больше. Воспоминания-вспышки: нежные слова наедине, потом — внезапная холодность, его презри-

тельный взгляд при всех, первый шепоток за спиной, организованная травля. Он не приказывал. Он просто позволил. И дал понять, кто здесь мишень.

Всё встало на свои места. Картина яснее ясного.

Я отшатнулась от зеркала и села на жесткую кровать.

— Значит, так, — проговорила я вслух новым, противным голосом. — Пациент Вера Константиновна скончалась. Её душа, по технической ошибке или в рамках какого-то идиотского эксперимента, вселилась в тело адептки Лиры Альв, 22 года, страдающей от эмоционального террора, организованного её бывшим любовником, ректором.

Я оглядела комнату. Оглядела себя в зеркале — потерпевшую. Почувствовала чужую, но уже свою ярость, накрывавшую волной.

Усталость и безнадёжность онкодиспансера испарились. Их место занял холодный, профессиональный гнев.

Ну что ж, господин ректор, — мысленно сказала я, глядя в свои новые, наивно-широкие глаза. — Ваш маленький, тихий ад для бедной Лиры закрывается на реконструкцию. Со сменой руководства. Вы думали, что травите испуганного кролика? Ошиблись. В это тело теперь заселился старый, злой старший следователь. И у меня для вас, милок, целый арсенал. Не магический. Жизненный.

Я встала, подошла к окну. За ним открывался фантастический вид на парящие башни и сияющие купола — Академия Лунного Пламени во всей красе. Красотища, что гово-

рить.

— Ладно, Лира, — прошептала я. — Успокойся там, где ты теперь. Тебя в долгу не оставлю. Мы с тобой теперь — одна команда. А я своих — не бросаю. И покажу этому ректору-сердцееду, где раки зимуют.

Первым делом — осмотреть «вещдоки», оценить обстановку и составить план.

И да помогут мне не звёзды, а сорокалетний опыт выбивания правды из самых замшелых уголовников.

Дело принято к производству.

Глава 2

Выйдя из комнаты, я мгновенно включила режим наблюдения. Коридор общежития кишел юнцами в одинаковых мантиях. Все неслись куда-то с озабоченными лицами. Студенческая суета, что с неё взять. Логично предположить — пары.

Я сделала шаг, намереваясь просто плыть по потоку и сориентироваться на местности, как сзади меня крепко взяли за локоть.

— Лира, скорее, опоздаем на урок магии — нам крышка! Мы и так знатно не дотягиваем до уровня здешних стандартов. Не будем нарываться!

Я обернулась. Передо мной была девушка с каштановыми волосами, собранными в неаккуратный пучок, и умными, испуганными карими глазами. На её мантии красовалось такое же простое серебряное эмблема-застёжка, что и на моей. «Свой».

Кто? — мысленно бросила я запрос в пустоту, где, как я начала подозревать, тихо обитала тень прежней Леры.

Слабый, будто эхо, ответ: Элис. Моя... подруга. Единственная.

— Да, конечно, идём, — тут же парировала я вслух, стараясь, чтобы мой новый, дурацкий голосок звучал максимально естественно. В голове тут же выстроился план: эта Элис

— мой проводник, источник первичной информации. Нужно вести себя осторожно, но использовать возможность.

Мы с ней влились в общий поток. Проходя по каменному кампусу я ловила на себе взгляды. Не все, конечно. Но достаточно: чья-то усмешка, чей-то презрительный взгляд исподлобья. И каждый раз внутри меня, в том месте, где раньше была опухоль, а теперь поселился чужой страх, вздымалась волна жгучего стыда и боли. Это Лира. Её рефлекс.

Тише ты! — мысленно прикрикнула я на эту внутреннюю ревунью. — Было бы из-за чего переживать. Щенки необученные. Что с них взять? Я ещё с ними поквитаюсь, дай мне только время прощупать обстановку. Не все сразу.

Мысль, кажется, подействовала. Паника немного отступила, сменившись настороженным любопытством с моей стороны. Я рассматривала «академию» как объект: архитектура готично-помпезная, охрана, судя по двум важным типам у ворот, формальная. Социальная динамика — классическая стоя: есть альфы (те, что несутся с высоко поднятыми головами, с позолоченными застёжками на мантиях), есть середнячки и есть... мы с Элис. Омеги. «Не дотягиваем до стандартов». Понятно.

— Элис, а что сегодня за предмет? — спросила я, стараясь звучать просто обеспокоенно, а не как шпион.

— Прикладная магия манипуляции эфиром, у Ториана Вейнера! — Элис чуть не завизжала от ужаса. — Он же сегодня будет проверять самостоятельную работу по стабили-

зации энергетической сферы! Лира, ты же учила?

— Э-э-э... — гениально выдавила я. В голове забегали обрывки: какие-то сложные схемы, которые Лира пыталась впихнуть в свою бедную голову, и чувство полной беспомощности. — Как сказать... В общих чертах.

— Ой, всё, мы пропали, — простонала Элис и, схватив меня за руку, рванула с места.

Бежать в этом теле было... непривычно легко. Лёгкие работали, ноги сами несли. Но мантия путалась в ногах, а сумка с какими-то кристаллами и свитком больно била по бедру. Экипировку нужно будет оптимизировать, — мелькнула сугубо практическая мысль.

Влетев в высокий, похожий на лабораторию или даже часовню, кабинет, мы едва успели шлёпнуться на две свободные парты в самом конце. Я с облегчением выдохнула. Задние ряды — лучшая позиция для наблюдения.

И тут зашёл он...

Глава 3

Сердце под грудной клеткой (не моё, чужое, глупое сердце!) дрогнуло, а потом забилося с такой бешеной силой, что я физически почувствовала, как кровь ударила в виски. В ушах зазвенело. Это был чистейшей воды паническая атака. Реакция Лиры на раздражитель.

Тише ты! — зашипела я мысленно, сжимая кулаки под столом. — Нельзя так! Успокойся! Сейчас инфаркт случится, и кому это нужно? Да, согласна, чертовски хорошо сложен. Стойка, выправка... на сто процентов — фотомодель для календаря «Волшебники-красавцы». Но знаю я таких смазливых карьеристов. От них, кроме проблем да разбитых сердец, — ноль. Так что успокаивай свой мотор.

Я заставила себя поднять взгляд и изучить объект. Ториан Вейнер. Черные волосы, собранные у затылка, лишь подчеркивали строгие, идеальные черты лица. Глаза... Господи, действительно, «цвета малахита». Холодные, пронзительные, сейчас обводящие аудиторию с видом хозяина, проверяющего своих зверьков. Мантия у него была не синяя, а черная, с серебряным шитьем, изображавшим какие-то звёзды. Знаки отличия. Власть.

Он что-то говорил о «чистоте энергетических потоков» и «дисциплине ума». Голос был низким, бархатным, и от каждого его слова сердце Лиры снова делало кульбит. Я сосредото-

точилась на его манере держаться. Уверенность, граничащая с высокомерием. Взгляд, который скользил по студентам, как по предметам мебели, пока не остановился... на мне.

На долю секунды. Но этого хватило. В его взгляде не было ни тепла, ни даже привычной презрительной усмешки. Была чистая, ледяная констатация: «А, это ты ещё здесь». И тут же отвод глаз.

Именно в этот момент Элис толкнула меня локтем в бок, едва не сбив с хрупкого стула.

— Лира! Тебя вызывают! К доске!

Я моргнула. Ректор Ториан стоял у своего демонстрационного стола, его пальцы слегка постукивали по тёмному дереву.

— Мисс Альв, — произнес он, и его голос, такой бархатный секунду назад, стал звучать, как скребок по стеклу. — Прошу выйти к доске и продемонстрировать навыки стабилизации энергетической сферы. Надеюсь, вы потратили время, которое я вам уделил на прошлой лекции, с пользой.

В аудитории повисла тишина, тут же взорвавшаяся сдержанным хихиканьем. Меня вызывали первым номером. Это была не проверка знаний. Это была показательная порка.

Ой-ой-ой, — пронеслось в голове. — Кажется, сейчас будет первое боевое крещение. Главное — не сжечь всё к чертям. В буквальном смысле.

Я медленно поднялась. Ноги ватными не были — адреналин Веры Константиновны взял верх над дрожью Лир. Я

прошла между рядами, чувствуя на спине десятки любопытных и злорадных взглядов. Осмотр места происшествия, — твердила я себе. — Объект — магическая доска. Задача — выжить и сохранить лицо.

Я остановилась перед огромным, отполированным до зеркального блеска чёрным щитом — магическим фокусом.

— Пожалуйста, мисс Альв, — сказал ректор, отходя в сторону и скрестив руки на груди. Его поза кричала: «Ну, удиви меня». — Пр продемонстрируйте сферу второго уровня устойчивости. Как мы и договорились.

Договорились. От этого слова в памяти Лирy всплыл смутный образ: его кабинет, его обещание помочь ей наедине... и последующее публичное унижение. Классика манипуляции.

Я посмотрела на свои руки. Длинные, тонкие пальцы. Инструмент, — подумала я. — Нужно понять, как им пользоваться. Воспоминания Лирy о теории лежали в голове мёртвым грузом. Нужно было «включить» практику.

Я неуверенно подняла руки, как делала Лира на тех обрывках воспоминаний. Представила... шар. Энергетический шар. Как лампочка. Только магическая.

Прошла секунда. Две. На щите ничего не происходило. Тишина в классе стала густой, злорадной.

— Концентрация, мисс Альв, — раздался спокойный, ядовитый голос ректора. — Магия требует воли, а не пустых надежд.

Я стиснула зубы (какие ровные и белые, кстати!). Внутренне отодвинула панику Лиры куда подальше. Я сосредоточилась на простой, понятной цели: зажечь эту чёртову штуку. Как фонарик. Как дуэльная вспышка при выстреле. Просто точка света.

И вдруг — на кончиках пальцев почувствовала лёгкое покалывание. В воздухе между моими ладонями и щитом задрожала, заискрилась бледно-голубая дымка. Раздался одобрителный вздох Элис с последнего ряда.

У меня получилось! Нет, не так — у этого тела получилось! Теперь нужно стабилизировать...

Я вспомнила слово «сфера» и попыталась мысленно сжать эту дымку в шар. Искрящаяся дымка вдруг дернулась, завихрилась и с противным шипящим звуком — вроде того, как жарится яичница — превратилась в нечто, напоминающее сплюснутый, прыгающий синеватый блин. Он беспомощно подпрыгнул у поверхности щите и испарился, оставив после себя лёгкий запах озона и... горелого волоса. Чёрт, это я, кажется, себе волосы подпалила.

В кабинете взорвался смех. Даже не смех — гогот. Кто-то захлопал в ладоши с издевкой.

Я стояла, чувствуя, как жар стыда заливает щёки. Но внутри, поверх этого жара, росла ледяная, чистая ярость. Не Лиры. Моя. Вера Константиновна видела перед собой не ректора, а начальника-самодура, который устраивает публичную экзекуцию подчинённого.

Я опустила руки и повернулась к нему. Не опустив глаз.

Ректор Ториан смотрел на меня. В его грозových глазах не было ни смеха, ни даже разочарования. Была холодная, клиническая оценка. Как будто он подтвердил какой-то свой диагноз.

— Как и следовало ожидать, — произнёс он так, чтобы слышали все. — Полное отсутствие контроля и понимания основ. Мисс Альв, ваше место в академии, как и прежде, под большим вопросом. Один балл. За попытку. Садитесь.

Я медленно, с прямой спиной прошла на своё место. Смешки и шепотки провожали меня. Элис смотрела на меня с немym сочувствием.

— Всё нормально, — шепнула я ей, садясь. — Первый блин комом. В прямом и переносном смысле.

Но внутри кипело. Я смотрела на его спину, пока он что-то объяснял у доски, уже вызвав какую-то уверенную в себе девушку с позолоченной застёжкой.

Ладно, Ториан Вейнер, — мысленно сказала я, стирая с лица выражение униженной овечки и надевая маску нейтрального наблюдения. — Ты вынес первое предупреждение. Публично. Записываю: статья «Оскорбление» и «Злоупотребление должностными полномочиями». Материалов для дела прибавилось. Следующий урок — мой. А пока... пока мне нужно срочно разобраться с этим твоим «эфиром». И выяснить, на что вообще способно это новое тело. Без свидетелей.

Дело, как говорится, приняло обострённый характер. Но хороший следователь знает: чтобы победить систему, нужно сначала её изучить. Изнутри. Даже если это система магических дурачеств.

Дорогие читатели!

Безмерно благодарна, что выбрали мою книгу!

Тема академии первая в моей практике, что и самой интересно, как она пойдет.

В любом случае получить от вас звезду и комментарий мне очень приятно.

Приятного прочтения моей книги!

Визуалы

Лира Альв. Адептка магической академии

Ториан Вейнер. Ректор магической академии

Глава 4

Кое-как, скрипя всеми фибрами души (и новыми, слишком гибкими суставами), я высидела эту нудятину до конца. Лекция о «эфирных резонансах в контексте лунных фаз» была настолько же полезна для реальной жизни, как инструкция по вышиванию крестиком для задержания рецидивиста.

Я мысленно закатывала глаза уже тысячный, наверное, раз. Но помимо скуки, меня отвлекал внутренний бардак. Чувства Леры, её дурацкие, подростковые вибрации, иногда пробивались сквозь мой железобетонный контроль. При виде его профиля на кафедре в солнечном луче — ёканье в районе сердца. Когда он проводил рукой по пергаменту — мурашки по спине. Это было отвратительно и неконтролируемо.

В таких делах нужна ясная голова, а не этот гормональный шторм! — мысленно ворчала я, пытаюсь сосредоточиться на диаграммах, больше всего похожих на кардиограмму сумасшедшего. — Ладно, Вера, терпи. Сначала разберись с внешними угрозами, потом будешь проводить внутреннюю чистку. Но разобраться, что же всё-таки произошло между тобой, Лира, и этим Торианом, — это дело первой срочности. Травля на пустом месте не начинается. Была связь? Был отказ? Или он просто садист?

Наконец, прозвучал звонок — не электронный, а какой-то

магический, вибрирующий прямо в костях. Студенты, как стадо, ринулись к выходу. План у меня был простой и ясный: в комнату. Тишина. Уединение. Собрать в кучу обрывки памяти, составить предварительное досье, наметить план оперативно-розыскных мероприятий.

Ха-ха, какая же я наивная, — подумала я уже через три секунды.

Поток вынес нас с Элис в коридор. Я уже мысленно составляла список вопросов к ней («Что именно обо мне говорят? Кто главный сплетник? Есть ли материальные доказательства — записки, подарки?»), как на пути возникла преграда.

Паренек. Невысокий, со взбитой капной рыжих волос и нарочито небрежно накинутой мантией. Лицо — эталонная маска самовлюблённого хама. Он перегородил нам дорогу, упёр руки в боки и осклабился.

— Ну что, Лира, — протянул он слащаво, — получила «отлично» по магии? Молодец, растешь. Скоро, глядишь, и до частных уроков у ректора дойдешь... если уже не доходила, конечно.

Он подмигнул, а его прихлебатели, стоявшие сзади, захихикали. Взгляд его был неоднозначным, грязным, полным намёков.

В голове всё словно оборвалось. Гул. Потом — ледяная, абсолютная тишина. Я, Вера Константиновна, за всю свою службу накопила кучу профессиональных грехов. Была рез-

кой, циничной, могла наорать на подчинённого. Но одно было свято: клевета. Ложные показания, навет, сплетни, порочащие честь — с этим у меня был личный, кровный счёт. А тут... Этого прыщавого щенка даже в участок-то не возьмут за недостатком состава, а он взял и плюнул в душу этой девочке. Публично. В лицо.

И внутри, в ответ на эту ложь, взорвалось не только моё праведное бешенство. Взыграло что-то другое. Острое, жгучее, униженное. Лира. Её стыд, её боль от этих самых слухов, которые, возможно, и стали её могилой.

Элис схватила меня за руку и зашептала, побледнев. — Не надо, Лира! Игнорируй его, он не стоит...

Поздно.

Я никогда не отличалась ангельским терпением. А сейчас у меня были ноги на тридцать с лишним лет моложе и кумулятивная ярость двух обиженных женщин.

Я ринулась к нему. Не с воплем, а в тишине. Той самой тишине, что бывает перед залпом. Он даже не успел ухмылку сменить на удивление.

— Слушай сюда, золотой ребёнок, — мой новый, высокий голос прозвучал тихо и чётко, как удар ножом по льду. — Кроме как задирать слабейших, ты, видимо, ни на что не годишься. Давай-ка исправлять этот педагогический пробел.

— Ой, что ты собираешься делать, белая мышка? — фыркнул он, но в его глазах мелькнула неуверенность. Он ждал слёз. Не этого. — Заклинанием меня пугнуть? Так ты

же ни... А-а-аргх!

Он не договорил. Потому что моя правая нога (спасибо, Лира, за растяжку!), действуя на чистой мышечной памяти моих давних навыков самообороны, описала короткую, резкую дугу и ботфортом пришлась точно по его голени, чуть ниже колена.

Это не было красиво. Это было больно, унижительно и эффективно.

Он захрипел, схватился за ногу и, потеряв равновесие, повалился на каменный пол. Его свита остолбенела.

В коридоре воцарилась шоковая тишина. Потом взрыв голосов.

Я стояла над ним, дыша ровно. Адреналин Лиры бушевал во мне, но я поставила его на службу. Он давал сил, остроты зрению, но не контролировал меня.

— Урок первый, — сказала я, глядя на него сверху вниз. — Прежде чем поливать грязью, убедись, что у твоей жертвы нет стальных носков. И твёрдой обуви.

И тут из-за спины раздался голос. Тот самый. Бархатный, холодный, наэлектризовавший воздух лучше любого магического разряда.

— Что здесь происходит?

Я медленно обернулась.

Ториан Вейнер стоял в нескольких шагах, застыв, как изваяние. Его зелёные глаза скользнули с меня, на хныкающего на полу студента, на его ошеломлённых дружков, на пере-

пуганную Элис. На его лице не было гнева. Была... нет, не ярость. Была ледяная, бездонная холодность. Та, что страшнее крика.

— Мисс Альв, — произнёс он, и каждое слово падало, как сосулька. — Мистер Дарквуд. В мой кабинет. Немедленно!

Глава 5

В кабинете ректора пахло не магией, а деньгами. Дорогим деревом старинной мебели, воском для полов, кожей переплётков и едва уловимыми нотами какого-то экзотического масла — вероятно, в той самой лампаде на столе. Пока Ториан Вейнер занимал свою позицию за массивным дубовым столом, словно капитан на мостике, я стояла по стойке «смирно» (по привычке) и глазами проводила инвентаризацию.

Окна в стрельчатых арках. Полки с фолиантами, которые на вид были тяжелее Уголовного кодекса с комментариями. Дипломы в золочёных рамках. Ни одной личной безделушки, кроме странного чёрного кристалла на столе. Ни следов женщины. Кабинет холостяка-трудоголика, помешанного на статусе. Скучно.

Рядом хлюпал носом тот самый «герой» — рыжий Дарквуд. Я искоса посмотрела на него. Щёки влажные, нижняя губа оттопырена. В глазах — не раскаяние, а обида на весь мир за то, что его посмели ударить в ответ.

Как интересно, — подумала я с ледяным презрением. — Как задирать — так первый петух, как получил отпор — сразу ныть и ябедничать начальству? Вот это мужчины в этом мире! Хлюпики, не иначе. В моё время такие в первом же патруле бы лямку тянуть научились или под замком скулили.

Ректор закончил изучать какие-то бумаги, сложил руки и поднял на нас тот самый, «малахитовый» взгляд. На мне он остановился чуть дольше. Не как на объекте страсти, а как на неисправном механизме, который вдруг начал стучать.

— Мисс Альв, — начал он, и его бархатный голос был лишён всякой бархатистости, осталась только сталь. — Объясните, пожалуйста, что за инцидент произошёл между вами в кампусе?

Вопрос задан формально, для протокола. Я решила протокол не просто дополнить, а переписать.

Я выпрямила спину и начала спокойно, чётко, как при докладе оперативной обстановки:

— После ваших занятий, господин ректор, я вышла в коридор с намерением вернуться в общежитие. И тут столкнулась вот с этим... персонажем.

Я указала пальцем в сторону Дарквуда, как указывают на вещественное доказательство. Тот фыркнул.

— Видимо, его родители, — продолжила я, глядя прямо в зелёные глаза Вейнера, — не уделили достаточного внимания вопросу воспитания и не объяснили, как цивилизованный человек должен общаться с девушками. В результате он позволил своему необузданному и, скажем прямо, мерзкому языку отпустить в мой адрес ряд пошлых и клеветнических замечаний.

Я сделала театральную паузу, давая словам повиснуть в воздухе. Дарквуд покраснел, но не от стыда, а от злости.

— Как вы считаете, господин ректор, — мягко, почти интеллигентно спросила я, переходя в контратаку. — Такое поведение ученика вашей престижной Академии... допустимо?

Я видела, как брови Вейнера на миллиметр поползли вверх. Он ожидал оправданий. Он ожидал, что его будут спрашивать. Не ожидал, что вопросы буду задавать я. Что он сам окажется в роли того, кто должен давать оценки и выносить суждения по её запросу.

Он на секунду замер, его взгляд стал пристальнее, изучающим. Он молча перевёл его на Дарквуда, который под этим взглядом сразу ссутулился.

— Мистер Дарквуд, — голос ректора стал тише, но в нём появилась опасная тягучесть. — Это правда?

Рыжий замычал что-то невнятное про «шутку», «не так поняли» и «она сама начала».

Вейнер резким, отрезающим жестом поднял руку.

— Довольно!

Он снова посмотрел на меня. Теперь в его взгляде читалась уже не просто холодность, а нечто вроде... усталого раздражения. Как у начальника, которому приходится разбирать детскую потасовку вместо важных дел.

— Мисс Альв, вы же прекрасно понимаете, что физическая расправа, независимо от провокации, в стенах Академии недопустима?

Это был ключевой момент. Он пытался вернуть себе кон-

троль, поставить меня на место правилами. Но правила... О, с правилами у меня были давние и сложные отношения.

Во мне закипело. Не только моё прагматичное негодование, но и та самая, обида Лиры, которая всё это время тлела внутри. И это кипение вырвалось наружу, облачённое в железные, отточенные за годы формулировки.

— А что, по-вашему, мне нужно было делать?! — выпалила я, и мой высокий голос зазвенел, но не истерично, а остро, как лезвие. — Стоять как истукан, опустив голову, и терпеть, пока он меня публично поливает грязью? Может, поклониться и сказать «спасибо»? Или побежать жаловаться, чтобы над этим посмеялись ещё больше?

Я не кричала. Я говорила с ледяной, насквозь пропитанной сарказмом интонацией опытного опера, который тычет носом прокурора в нестыковки в деле.

Вейнер снова поднял руку. — Довольно! — повторил он, но в его голосе впервые зазвучало что-то кроме холода. Напряжение.

Он отвернулся от меня, как бы отстраняясь от моего взрыва, и с холодным отвращением глянул на Дарквуда.

— Мистер Дарквуд, вы свободны. Две недели отработок в библиотеке за непристойное поведение. Теперь — выйдите.

Тот, бросив на меня взгляд, полный немой, но уже трусливой ненависти (Вот же зараза! Он опять?), заковылял к двери.

И тут во мне что-то щёлкнуло. Этот его взгляд. Этот на-

мёк, что история на этом не закончится. Этот детский, мелкий триумф труса, увернувшегося от большей части расплаты.

Я не думала. Сработал рефлекс. Я резко сорвалась с места, сделав стремительный шаг в его сторону, с тем же выражением лица, что и в коридоре. Чистая, беззвучная демонстрация угрозы.

Дарквуд, не ожидая такого даже здесь, в кабинете ректора, ахнул, испуганно дёрнулся и, почти бегом, выскочил за дверь, торопливо её захлопнув.

В кабинете повисла тишина.

Я медленно выдохнула, развернулась... и увидела.

Ториан Вейнер сидел за своим столом. Его губы, обычно сжатые в тонкую, строгую ниточку, были слегка приоткрыты. А в уголках его зелёных глаз дрожали едва уловимые, предательские морщинки. Он смотрел на захлопнутую дверь, потом на меня, и... он еле сдерживал смешок. Настоящий, живой, почти человеческий.

Это увиденное ударило меня сильнее, чем любая его холодность. Это было не по сценарию. Это ломало весь образ «ледяного тирана».

И это меня взбесило по-новому.

— Что, так смешно? — спросила я, не церемонясь, моя полицейская прямота вырвалась наружу без всякой магической упаковки. — Когда я пытаюсь защитить свою репутацию от грязи, которую развозят из-за вас?

Он вмиг изменился в лице. Как будто кто-то вылил на него ушат ледяной воды. Все следы улыбки испарились, уступив место сначала шоку, а потом — тяжёлой, каменной серьёзности. Он даже откинулся в кресле, будто от физического толчка.

— Лира, я... — начал он, и в его голосе впервые прозвучала какая-то неуверенность, попытка найти слова.

— Нет! — резко оборвала я его, подняв руку в том же жесте, что только что применял он сам. — Хватит! Я устала. Сначала ваша публичная... порка на занятиях, теперь это. Я хочу отдохнуть. От вас, от этих стен, от всего этого.

Я не стала ждать ответа, разрешения или очередного «довольно». Я развернулась и вышла из кабинета тем же ровным, твёрдым шагом, каким вошла, щёлкнув дверь не хлопнув, но очень чётко.

И только когда я уже шла по пустынному коридору к своему крылу, до меня стало доходить. Я оставила его там. Ректора Ториана Вейнера. В его собственном кабинете. С открытым ртом, невысказанным началом фразы и с ощущением, что мир только что слегка перекосился.

Вот это он офигел от резкости, — с глубоким, почти профессиональным удовлетворением подумала я, подходя к своей комнате. Объект был выведен из равновесия, стандартные схемы взаимодействия разрушены. Первый раунд психологической дуэли остался за мной.

Где-то глубоко внутри, в том уголке сознания, где ютилась

испуганная тень Лиры, тоже царило лёгкое офигевание. Но уже смешанное с сомнением и... странным облегчением.

Не бойся, моя дорогая, — мысленно сказала я этому испуганному внутреннему голосу. — Я знаю, что делаю. Это называется «завладеть инициативой». А потом, глядишь, и «спасибо» скажешь.

Я вошла в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Руки слегка дрожали — сказывался выброс адреналина. Но на лице у меня, я знала, была не растерянность, а жёсткая, почти хищная улыбка.

Дело двигалось. И двигалось в правильном направлении.
и.

Глава 6

Дверь в мою комнату закрылась за мной с тихим, но обнадёживающим щелчком.

И тут на меня налетело что-то тёплое, пахнущее травами и паникой.

Господи, нельзя же так пугать!

Это был чистейший рефлекс. Моё тело (тело Лиры, но уже натренированное моей мышечной памятью) напряглось, рука сама потянулась выполнить бросок через бедро, а свободная — заблокировать возможную атаку. Я лишь в последние миллисекунды увидела каштановые кудри и широкие испуганные глаза.

Элис.

Я застыла в полуприседе, руки замерли в странном, готовом к бою положении. Она же, не заметив этой микроскопической битвы инстинктов, уже лепетала, задыхаясь:

— Ну как ты? Всё в порядке? Как всё прошло? Сильно влетело? Он тебя отчислил? А Дарквуд? Его наказали? Ой, Лира, я так переживала!

Мой мозг, и без того перегруженный анализом поведения ректора, попытался обработать этот каскад. Получился сбой. Что за щебетание? Вопросы заданы не конструктивно, без последовательности. Надо учить девчонку давать показания чётко.

Я выпрямилась, с трудом разжала пальцы и провела рукой по лицу.

— Всё нормально, — выдавила я, и мой голос прозвучал хрипло от напряжения. — Прочитал мне краткую лекцию о недопустимости применения физической силы в учебном заведении. А потом отпустил.

Я посмотрела на неё, ища хоть какого-то рационального подтверждения. — Но ведь я была права? Дать ему отпор, это было правильно?

Вопрос был искренним. Не со стороны Леры, которую грызли сомнения, а со стороны меня, Веры Константиновны, привыкшей сверять свои поступки с внутренним кодексом, а не с мнением толпы. В этом мире её кодекс мог дать сбой.

Элис, однако, просияла. Её страх сменился восхищением, лёгким и беззаветным.

— Конечно, правильно! Это было... невероятно смело! Ты молодец! Давно ему, зазнайке, надо было дать в бубен! Все в коридоре только об этом и говорят!

Все говорят. Отлично. Значит, инцидент получил огласку. Моя реакция выбивается из шаблона «несчастливая Лера». Это хорошо. Это меняет расстановку сил. Хотя и делает меня мишенью для более изощрённых атак.

— Спасибо, Элис, — сказала я, уже более мягко. — Я просто устала.

Она, наконец, уловила сигнал и отступила, давая мне пространство. — Да, да, конечно. Отдохни. Это был жуткий

день.

Я кивнула и, наконец, дошла до кровати. Плюхнулась на жёсткий матрац, обхватила голову руками. Пальцы впились в россыпь белых, невероятно мягких волос. Нужно систематизировать. Протокол дня.

1. Объект Вейнер: Проявил неожиданную реакцию. При упрёке в его адрес — замешательство. Не ожидает активного сопротивления. Вывод: не всемогущ, уязвим для психологических атак, имеет сложные чувства к Лире (вина? раздражение? остатки чего-то?).
2. Объект Дарквуд и компания: Тактика — стадная, трусливая. После прямого физического контакта переходят в пассивно-агрессивную позицию (ябедничество, косые взгляды). Опасны в массовке, поодиночке — ничто.
3. Союзник Элис: Лоялен, эмоционален, хороший источник информации «из низов». Требуется осторожности в общении, но потенциально полезен.
4. Общая задача: Выяснить природу отношений Лира-Ториан в прошлом. Выяснить, кто координирует травлю, если не он лично. Выжить и... что? Восстановить справедливость? Отомстить? Пока — выжить и собрать данные.

Я вздохнула, отпустила голову и открыла глаза. Взгляд упал на стол.

И застыл.

На грубом деревянном столе, среди пергаментов и кристаллов, лежала... коробка. Непростая. Изящная, темно-синего бархата, с глянцевой чёрной лентой, завязанной в слож-

ный, безупречный бант. Она выглядела так чужеродно в этой убогой обстановке, как орхидея в бетонном дворе.

Внутри всё насторожилось. Неожиданный предмет на месте происшествия. Требуется осмотра.

— Элис, — голос мой прозвучал слишком ровно. — Что это?

Она, копошащаяся у своего сундука, обернулась и пожала плечами.

— Не знаю. Я пришла — оно уже здесь было. Дверь была закрыта, но... ну, ты знаешь, тут замки какие-то простенькие, или магия какая...

Или магия какая. Прекрасно. Значит, проникновение в жилище — дело пустяковое. Я медленно поднялась и подошла к столу. Рассматривала коробку, не прикасаясь. Ни пыли, ни отпечатков. Чисто. Профессионально.

— Тут у неё... у меня, — поправила я, — полно недоброжелателей. Это может быть чьим-то «розыгрышем». Не самым добрым.

Элис побледнела. — Ой, и правда... Может, там паук? Или... хуже?

— Один способ проверить, — отрезала я.

Аккуратно, кончиками пальцев, я развязала ленту. Она размоталась беззвучно. Я приподняла крышку, откинув её от себя — на всякий случай. Ни щелчка, ни взрыва, ни облака ядовитого розового порошка.

Внутри, на мягкой серебристой ткани, лежало... платье.

Я остолбенела. Взяла его за тонкие бретельки и подняла. Оно развернулось, заструилось, поймав скудный свет из окна.

Это было не просто платье. Это было произведение. Цвета ночного неба, переходящего из глубокого сапфирового в сиренево-серебристые переливы на складках. Ткань — лёгкая, струящаяся, но мерцающая, как звёздная пыль. Крой — одновременно скромный (закрытые плечи, неглубокий вырез) и чертовски изящный, подчёркивающий линию талии и бёдер, которые у Лир, как я теперь заметила, были весьма ничего.

— Ой... — выдохнула Элис за моей спиной, и в её голосе был священный трепет. — Какое... оно прекрасное...

Я молчала. Мозг лихорадочно работал.

Отправитель неизвестен. Ни карточки, ни записки. Мотив неясен. Добро? Насмешка? Подготовка к какой-то унижительной ситуации? Качество. Дорого. Очень. Не по карману ни Лире, ни Элис, ни, думаю, Дарквуду. Размер. Должно идеально подойти. Значит, отправитель знает параметры Лир. Лично. Или очень наблюдателен.

— Как раз к сегодняшнему Вечеру Просвещения! — прошептала Элис, всё ещё заворожённая.

Я медленно, очень медленно повернула к ней голову.

— Как ты сказала?

Глава 7

Элис моргнула, вынырнув из грёз.

— Вечер Просвещения! Ты что, забыла? Он же сегодня! Все adeпты приглашены в главный зал. Будет сам ректор, магистры, угощения, музыка... Это же огромное событие! — Она посмотрела на платье, потом на мою простую, поношенную мантию, и её глаза снова загорелись. — Тебе совершенно нечего надеть! А это... это просто спасение! Судьба!

Вечер Просвещения. Мероприятие. Скопление людей. Ректор. Все на виду. И это платье, присланное анонимно, как раз к нему.

В голове сложилась картина. Неприятная.

Вариант А: Подарок от тайного поклонника. Маловероятно, учитывая статус Лиры.
Вариант Б: Провокация. Являться в таком наряде — выставить себя на посмеище «смотрите, вырядилась, как принцесса, а кто она есть?». Или создать повод для новых обвинений «украда!».
Вариант В: Подарок от него. Чтобы посмотреть на меня в этом. Чтобы что? Унизить ещё больше, показав, что он может дарить такие вещи, а я всё равно останусь никем? Или... чтобы извиниться? Нет, слишком сложно для человека, который только что читал нотации.

Я осторожно положила платье обратно в коробку, как улику, которую нужно отправить в лабораторию.

— Элис, что обычно носят на этот... Вечер?

— О, ну... самые лучшие мантии. У кого-то есть нарядные туники. Но такое платье... — она снова посмотрела на коробку с благоговением, — такое платье будет самым красивым. Тысячу процентов.

Значит, выделиться. Либо триумф, либо катастрофа. Кто-то ставит меня перед выбором: прийти в своём жалком виде и подтвердить статус изгоя, либо надеть это и стать мишенью для зависти, злорадства и новых слухов «на какие деньги?», «кто подарил?».

Я закрыла крышку коробки с решительным щелчком.

— Понятно. Спасибо, что напомнила.

— Ты наденешь его? — спросила Элис, полная надежды.

— Я подумаю, — ответила я, глядя на бархатную коробку с холодом профессиональной оценки. — Всё, что происходит внезапно и слишком хорошо, требует тщательной проверки. Особенно в нашем положении.

Элис, кажется, не совсем поняла, но кивнула, уважая мою внезапную сдержанность.

Я села на кровать, и уголок моего рта дрогнул в подобии улыбки. Скучно не будет. Кто-то очень хочет поиграть с Лирой Альв в кошки-мышки.

Жаль, дорогой мой аноним, — подумала я, бросая взгляд на злополучную коробку. — Но в этой мышьиной шкурке сейчас сидит очень старая, очень злая кошка. И у неё острые когти. И она обожает распутывать чужие паутины.

Глава 7.1

Решение созрело к вечеру, твёрдое и холодное. Платье не спрятать и не проигнорировать. Его прислали для реакции. Что ж, реакция будет. Но такая, которую отправитель, возможно, не ожидал.

Иду на провокацию, — мысленно констатировала я, разглаживая ладонями бархат коробки. — Объект неизвестен. Цель: выявить и идентифицировать. Метод: контролируемое предъявление стимула (платья) и наблюдение за реакцией целевой группы.

Проще говоря: надену эту тряпку и посмотрю, у кого дёрнутся скулы, кто прошипит, а кто, может, и покраснеет. Он, а может быть, она — выдадут себя взглядом. Главное — смотреть в оба.

Элис, тем временем, пребывала в состоянии, близком к эйфории. Она вытащила своё лучшее платье — скромное сиреневое, без изысков, но чистое и отглаженное. Проблема была с её густой шапкой каштановых кудрей, которые она безуспешно пыталась уложить в нечто благопристойное.

— Ой, всё торчит! — чуть не плача, жаловалась она, ткая в волосы шпильками.

Я наблюдала за этой вознёй минут пять, пока мой внутренний перфекционист (и многолетний опыт утренних построений с безупречными причёсками) не взвыл.

— Дай сюда, — вздохнула я, подходя. — Сиди ровно и не дёргайся.

Она замерла, удивлённая. Я взяла расчёску. Руки помнили движения, хоть и по чужим волосам. Быстро, почти автоматически, я разделила пряди, заплела изящный, но прочный венок у корней, собрав основную массу, а несколько локонов оставила обрамлять лицо. Закрепила всё шпильками, которые в моих руках вдруг обрели смысл и послушание.

— Готово.

Элис подскочила к нашему маленькому, мутному зеркалу и ахнула.

— Ли-и-ра! Да ты волшебница! Я никогда так хорошо не выглядела!

Не волшебница, а просто умею делать дело аккуратно, — подумала я, но промолчала, лишь кивнула. Приятно, конечно, видеть такой искренний восторг. В этом мире маленьких побед пока что маловато.

— Ну что, — спросила она, сияя. — Ты решила с платьем? Я посмотрела на коробку. Время колебаний прошло. — Да. Надену.

— Ура! — Элис чуть не подпрыгнула. — Покажем им всем!

— Именно, — сухо согласилась я. — Покажем. Кое-что. И кое-кому.

Облечься в это произведение искусства оказалось задачей посложнее, чем задержать пьяного дебошира. Застёжки

были хитрыми, ткань — струящейся и непослушной. Но в конце концов я справилась. И застыла перед зеркалом.

Отражение было... обезоруживающим. Это была не я. И даже не совсем Лира. Это была какая-то принцесса из сказки, которую забыли в суровом мире. Платье сидело безупречно, подчёркивая все достоинства юного тела, которое я ещё не успела освоить. Сине-серебристые переливы делали кожу фарфоровой, а белые волосы — сияющими. В глазах, моих собственных, привыкших к усталости и цинизму, читалась настороженность, которая лишь добавляла образу загадочности.

Ну что ж, приманка готова. Красивая, блестящая и отравленная подозрением.

Мы вышли. Путь до Северного крыла был полон взглядов. Сначала недоумённых «Это Альв?», потом удивлённых, потом откровенно завистливых. Элис шла, гордо выпятив грудь, как телохранитель или свита. Я же двигалась ровно, с прямой спиной, сканируя окружение.

Войдя в главный зал, я на секунду забыла о тактике и оперативном планировании. Я ахнула.

Это было помещение невероятной, почти абсурдной красоты. Сводчатый потолок, расписанный движущимися созвездиями. Стены, увитые живым, светящимся плющом. Столы, ломившиеся от яств, которых я и названий-то не знала. И в центре — огромная, хрустальная люстра, парящая под потолком и испускающая мягкий, золотистый свет. Му-

зыка — струнная, нежная — висела в воздухе, как запах.

— Вот это да... — прошептала я, и это был голос не Веры Константиновны, а просто человека, поражённого чудом.

Элис дёрнула меня за руку.

— Пойдём, я не хочу сидеть на задворках! Давай ближе!

Меня чуть не снесло этим порывом. — Элис, тише. Главное — не место, а обстановка. Нужно всё видеть и слышать.

Но она уже тащила меня вперёд, мимо рядов стульев и столиков. Мы сели не в первом, но и не в последнем ряду — достаточно близко, чтобы видеть сцену, и достаточно сбоку, чтобы иметь обзор на часть зала. Идеально.

Я устроилась, стараясь не помять злополучную ткань, и включила режим наблюдения. Состав аудитории: студенты, магистры в более богатых мантиях, несколько пожилых особ в парчовых одеждах — вероятно, спонсоры или совет. Ректора пока нет. Дарквуд сидит с краю, смотрит исподлобья. При моём взгляде отворачивается. Страх? Хорошо.

Свет в зале начал медленно меркнуть, фокусируясь на сцене. Музыка стихла. В зале воцарилась напряжённая, полная ожидания тишина.

И тогда на сцену, озарённую теперь лишь светом парящей люстры, вышел он.

Ториан Вейнер.

Глава 8

Ториан Вейнер.

Он был не в строгой ректорской мантии, а в чём-то среднем между мантией и костюмом: тёмно-зелёный, почти чёрный камзол, с вышитыми серебряными нитями узорами, подчёркивающие ширину плеч и талию. Волосы, обычно просто откинутае назад, сегодня были убраны строже, что делало скулы ещё острее.

И зазвучал его голос. Тот самый, бархатный, уверенный, проникающий в каждую клеточку.

— Добро пожаловать в Академию Лунного Пламени, дорогие адепты, уважаемые магистры, почтенные гости...

Я сидела неподвижно, но внутри всё сжалось. Не от страха. От узнаваемости. Этот голос, эта манера говорить, эта аура безраздельной власти... Это был голос следователя, ведущего особо важное дело. Голос начальника, объявляющего о проверке. Голос, который я сама когда-то пыталась культивировать. И он звучал здесь, в этом блестящем зале, обращаясь к толпе юнцов.

Пока он говорил о традициях, будущем и силе магии, мой взгляд скользнул по его фигуре, ища слабинку. И нашёл. Не в нём. Во мне. Вернее, в Лире. В том, что дрогнуло глубоко внутри при его появлении. Старая, глупая надежда. Острая, как нож, обида.

Тише, — мысленно приказала я этому эху. — Не сейчас. Сейчас мы работаем.

Я перевела взгляд с него на зал, стараясь уловить, куда смотрят другие. Многие — на него, зачарованные. Но некоторые, особенно из девушек на первых рядах, бросали быстрые, оценивающие взгляды в нашу сторону. На меня. На моё платье. В их взглядах читался вопрос: «Откуда у неё такое?»

И тогда, будто почувствовав этот шёпот взглядов, Ториан Вейнер, не прерывая своей плавной, вдохновенной речи, медленно повернул голову. Его зелёные глаза, холодные и всевидящие, как прожектора, скользнули по рядам, по лицам...

И остановились на мне.

На долю секунды. Меньше, чем на вздох. В его речи не дрогнул ни один слог, выражение лица не изменилось. Но я увидела. Увидела едва заметное расширение зрачков. Мгновенную, молниеносную вспышку чего-то в его взгляде. Не гнева. Не презрения. Шока? Удивления? Признания?

Потом взгляд ускользнул, двинулся дальше, как будто я была просто ещё одним лицом в толпе. Но контакт был установлен. Сигнал отправлен и принят.

Получил, родной, — подумала я, чувствуя, как по спине пробегает холодок азарта. — Видишь? Твоя запуганная мышка не только дала сдачи хаму, но и надела самое красивое платье на твоём празднике. Интересно, вписываюсь ли я в твой сценарий?

Он закончил вступительное слово под аплодисменты. Свет в зале вновь заиграл, музыка зазвучала громче. Начался сам вечер. Люди стали вставать, расходиться, образовывать группы.

Я оставалась на месте, как скала. Миссия «наблюдение» переходила в фазу «взаимодействие». Кто подойдёт первым? Завистница? Любопытный? Или... сам ректор, чтобы выяснить, откуда у меня это платье?

— Пойдём, выпьем нектара! — предложила Элис, сияя от происходящего.

— Иди, я сейчас, — согласилась я, медленно поднимаясь. — Но осторожно. И нужно смотреть по сторонам. Начинается самая интересная часть.

Я поправила складку на своём ослепительном платье-ло-вушке и бросила взгляд в сторону оживлённого зала. Охота началась. И хищник, замаскированный под добычу, был готов к встрече.

Глава 9

Я стояла, как мина замедленного действия, замаскированная под фарфоровую статуэтку. Ждала. Кто подойдёт? Завистливая гарпия с колкостью? Любопытный простака с дурацкими вопросами? Я всем нутром, каждой клеткой этого нового, обострённого молодого тела, чувствовала на себе пристальный, тяжёлый взгляд. Он буквально прожигал ткань платья на спине, запульсировав там горячей, неприятной точкой.

Объект наблюдает. Источник — сзади, слева, выше уровня толпы. Вероятно, с края сцены или с балкона. Мой внутренний протокол фиксировал данные, но тело Лиры напряглось в ожидании удара.

Я даже не успела мысленно оценить дистанцию до ближайшего выхода или выбрать потенциальное укрытие в виде огромной вазы с цветами, как чья-то рука уверенно взяла меня за локоть, чуть выше локтя.

Внутри всё похолодело и сжалось в пружину. Контакт! Захват! Мысль пронеслась со скоростью пули: Дарквуд! С подкреплением! Решил поквитаться здесь, под шумок!

Я повернулась на каблуке, готовясь к резкому высвобождению, возможно, к удару коленом или локтем в солнечное сплетение, в зависимости от роста противника...

И увидела его.

Ториан Вейнер. Не Дарквуд. Не какой-то мелкий недоброжелатель. Сам ректор. Стоял рядом, его пальцы сжимали мой локоть не больно, но неоспоримо твёрдо. Его лицо было без той ледяной маски строгого начальника, которую он носил в кабинете. В его зелёных глазах читалась какая-то сложная смесь: решимость, любопытство и... что-то ещё, что я не могла сразу идентифицировать.

И посмел же?! — мысленный крик был на грани истерики, но не от страха, а от бешенства. — Ему мало того, что и так все про нас судачат? Он решил ещё подкинуть всем тему для обсуждения? На глазах у всей академии? Что он делает, этот идиот?!

Я посмотрела на него вопросительно-раздражённо, бровь взметнулась сама собой. Мой взгляд должен был ясно транслировать: «Вы в своём уме? Уберите руку».

Он проигнорировал этот немой сигнал. Его взгляд скользнул по моему лицу, по платью, и в нём промелькнуло то самое неуловимое «что-то», что сбивало с толку. Это не было пренебрежением. Это было... оценкой. Одобрительной оценкой. Как будто он любовался картиной, которую сам же и нарисовал.

Я не выдержала. Не могу терпеть такую наглость.

— Зачем вы ко мне подошли? — выпалила я, понизив голос до ядовитого шёпота, который, я надеялся, не слышен дальше трёх шагов. — Вы что, не понимаете, что ставите меня в неловкое положение? Смотрите, вон уже зеваки смот-

рят. Вы же не хотите снова проводить лекции по недопустимости... физического насилия? А?

Я вложила в последние слова весь накопленный за день сарказм. Пусть попробует прочесть между строк.

Он секунду смотрел на меня с тем же удивлением, что и в кабинете, когда я сорвалась с места после Дарквуда. Потом уголок его рта дрогнул — не в улыбку, а в нечто, напоминающее намёк на неё.

— Танец ректора и адептки, — произнёс он так же тихо, его бархатный голос обволакивал слова, делая их странно интимными, — не запрещён уставом.

Штампованная отмазка!

— Я не сомневаюсь! — прошипела я в ответ, чувствуя, как жар поднимается к щекам. — Но у нас, если вы не забыли, другая история! Не усугубляй ситуацию! И не давай им повода для новых разговоров!

Я совершила тактическую ошибку. Перешла на «ты» и выдала своё истинное, панически-разгневанное отношение. Сказала «не давай» вместо «не давайте». Он это заметил. В его глазах блеснуло что-то острое, заинтересованное.

И только я сделала резкий, отчётливый разворот, намереваясь уйти прочь, сломав этот дурацкий контакт, как его рука — не та, что была на локте, а другая — стремительно и неожиданно сильно обвила мою талию и притянула к себе.

Я ахнула. Не от страсти. От шока. От возмущения. От внезапного осознания того, насколько это тело меньше и слабее

его.

— Сейчас, — он наклонился, и его губы оказались в сантиметре от моего уха, а голос стал низким, властным и не терпящим возражений, — за тобой не будет последнего слова.

И прежде чем я успела вставить колено куда следует (а я уже прицелилась), музыка, до этого бывшая тихим фоном, сменила ритм. Зазвучали первые, плавные аккорды вальса. И словно по волшебству, пространство вокруг нас заполнилосьдвигающимися парами. Мы оказались не в центре скандала, а в центре танцпола.

Я рванулась, попыталась вырваться, но — чёрт! — не рассчитала. Сила его захвата, непривычная гибкость тела Лиры, которое вместо рывка едва не потеряло равновесие, и эти дурацкие каблукИ... Я была в ловушке. В роскошной, но ловушке.

Я зло, испепеляюще посмотрела на него, мысленно проклиная на все лады: его наглость, его власть, эту музыку, это платье, всю эту идиотскую ситуацию.

Он же, казалось, лишь этого и ждал. Его лицо смягчилось, в глазах вспыхнул тот самый, опасный огонёк, который я уже видела мельком. Он легко повёл меня в такт музыке. И повёл мастерски. Мне, не знающей шагов этого магического вальса, оставалось лишь следовать, чувствуя, как его рука на талии и его ладонь, держащая мою, диктуют каждое движение.

— Расслабься, — сказал он, и в его голосе снова появи-

лись те бархатные нотки. — Ты танцуешь... вполне сносно. Для новичка.

Я скривила губы, но промолчала. Сопротивляться было бесполезно и глупо. Теперь нужно было извлекать пользу. Наблюдать. Анализировать. Использовать близость.

Он провёл меня через зал, и я ловила на себе десятки взглядов: шокированные, завистливые, злорадные. Скандал состоялся. Цель «привлечь внимание» достигнута с превышением лимита.

И тогда, наклоняясь так, что его дыхание снова обожгло мою кожу, он прошептал слова, от которых у меня перехватило дыхание уже по-настоящему:

— Мне очень приятно, Лира, что ты приняла мой подарок.

Глава 9.1

Всё внутри оборвалось. Мысленный протокол, тактика, ярость — всё застыло. Потом мысль заработала с бешеной скоростью.

Он. Это был он. Платье. Он прислал. Он признаётся. Зачем? Чтобы унижить? Чтобы показать свою власть? «Приняла мой подарок» — как будто я что-то ему должна!

Но вместе с холодным анализом из самых глубин, из тех тайников, где пряталась тень прежней Лиры, хлынула волна. Не ярости. Не страха. А боли. Острой, пронзительной, сладкой и горькой одновременно. Это была память о других подарках, о других шёпотах, о той надежде, которую он когда-то подарил и сам же растоптал.

Эту волну я не смогла сдержать. Она отразилась у меня в глазах. Не слёзы, нет. А что-то вроде ошеломлённой, раненой ярости.

Я перестала пытаться уйти. Я впилась в него взглядом, и мой шёпот теперь звучал не ядовито, а ледяно и смертельно серьёзно:

— Твой подарок? Зачем? Чтобы ещё раз всем напомнить, кто здесь главный? Чтобы я была обязана? Или это... плата за что-то?

Он не ответил сразу. Он лишь чуть сильнее прижал мою руку к своей груди, заставив сделать очередной, плавный по-

ворот. Его лицо было близко, запредельно близко.

— Это был просто подарок, — сказал он наконец, и в его глазах, казалось, мелькнула тень той самой сложной боли, что клокотала во мне. — На память. О том, какой ты можешь быть... неожиданной.

Музыка стала затихать, подходя к концу. Он замедлил шаг. Последний аккорд. Он отпустил мою талию, но ещё на мгновение задержал мою руку в своей.

— Спасибо за танец, мисс Альв, — произнёс он громче, уже для посторонних ушей, снова становясь ректором. — Вы делаете успехи.

И отпустил.

Я стояла, чувствуя, как земля уходит из-под ног в прямом и переносном смысле. Он поклонился, едва заметно, и растворился в толпе, направляясь к группе магистров.

Я осталась одна в центре зала, в своём ослепительном, проклятом платье, под взглядами, которые теперь жгли уже не завистью, а жгучим, ненасытным любопытством.

Просто подарок. На память. Неожиданной.

В голове гудело. Эмоции Лиры бились в клетке, как пойманная птица. Мои же мысли лихорадочно складывали пазл.

Он признался. Он вышел на открытый контакт. Он нарушил собственные правила дистанции. Почему? Что изменилось? Моя дерзость в кабинете? Моя победа над Дарквудом? Или... ему просто стало скучно?

Я медленно, на автомате, пошла к выходу, не видя Элис,

не замечая угощений. Мне нужна была тишина. Нужно было переписать всё досье.

Подарок был не провокацией. Это был вызов. Личный вызов. И признание. В чём? В том, что я перестала быть для него невидимой жертвой.

Ну что ж, господин ректор, — думала я, выходя в прохладный коридор. — Получите ответный вызов. И учтите: я не только неожиданная. Я ещё и очень, очень злопамятная. А твой «подарок»... он станет первым вещественным доказательством против тебя. В деле, которое я только что открыла: «О злоупотреблении служебным положением».

И я, наконец, позволила себе улыбнуться. Неприятно и холодно. Охота только что кардинально поменяла правила. Но хищник, как известно, может стать добычей. Особенно если он самоуверен и сделал первый неосторожный шаг.

На слишком близкое расстояние.

Глава 10

Этот день, наконец, истёк, чему я была безумно рада. Я лежала в своей каморке, в этой твёрдой, но желанно тёплой кровати, и чувствовала приятную, тягучую усталость во всём теле. Мышцы ныли от непривычной активности — танцы, напряжение, постоянная готовность к бою. Видимо, ты, Лира, здесь была тише воды, ниже травы. Не бегала, не дралась, не выходила из состояния хронической забитости.

Но это тоже не дело, — мысленно заметила я, глядя в потолок, по которому ползли тени от лунного света. — На тебя же объявили травлю. А травля, если её не пресечь на корню, по всем канонам оперативной работы, ведёт только к одному — к печальным последствиям. От слов к действиям. От действий — к чему-то необратимому.

В голове снова всплыл образ Ториана Вейнера. Его рука на талии. Его шёпот. Просто подарок.

Кто же пускает слухи? И зачем? Он? — размышляла я. — Технически возможно. У него мотив (разорвать связь, очернить), возможности (власть, авторитет). Но после сегодняшнего... зачем тогда танец? Зачем подарок? Чтобы запутать? Или в этом бардаке замешаны ещё и другие?

От этих мыслей голова гудела сильнее, чем от усталости. Я закрыла глаза, решив, что завтра с ясной головой составлю план по выявлению источника клеветы, и провалилась в

тяжёлый, как свинец, сон.

БА-БАХ!

Звук был настолько резким, оглушительным и наглым, что я подскочила на кровати, прежде чем успела это осознать. Сердце в груди колотилось, как отбойный молоток. В голове — чистейший, отработанный годами рефлекс: Вторжение! Задержание! Оружие!

Я вскочила, приняв низкую, готовую к отпору стойку, искала глазами хоть что-то, что можно использовать как дубинку (чернильница? стул?), и уставилась на дверь.

Она была распахнута. На пороге, залитая светом из коридора, стояла девушка. Высокая, статная, с каскадом чёрных волос и выражением лица, как у следователя, пришедшего с обыском к особо опасной. За ней маячили тени её «свиты».

— И так, малышня! — её голос был резким, противным, с нарочитой грубостью. — Сегодня ночь Посвящения! Если не хотите окончательно и бесповоротно записаться в лузеры на все оставшиеся здесь годы...

Её взгляд, скользнув по перепуганной Элис, остановился на мне, и в нём вспыхнуло ехидное, знакомое по Дарквуду удовольствие.

—...то я жду вас всех в комнате для собраний на первом этаже. Ровно через пять минут. Опоздаете — считайте, что ваша судьба решена.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась, и вся её свита громко топая, удалилась, оставив дверь открытой настежь.

Я стояла, всё ещё в полуприседе, и медленно выдыхала. Адреналин отступал, сменяясь ледяной, чистейшей яростью. Ночь Посвящения. Какая дешёвая театральщина.

Элис уже подскочила, схватила меня за руку. Её пальцы дрожали.

— Ты слышала её? Идём! Быстро!

Я, всё ещё в ступоре от такой наглой, казарменной нахристости, поплелась за ней в коридор, где уже мелькали другие перепуганные «перваки».

— Объясни, — потребовала я, на ходу пытаюсь привести в порядок мысли. — Что это за «Ночь Посвящения»? Кто эта... за жаба?

Элис, почти бежавшая, задыхаясь, выдала обрывками:

— Это... старшекурсники... в частности пятый курс... Они так «приветствуют» новичков... Дают задание... Если выполнишь — они до выпуска тебя не трогают, вроде как принимают... Ну а если нет...

Я её подхватила, завершив мысль с ледяной ясностью:

— ...то до самого выпуска ты — законный лох, лузер и девочка для битья. Понятно. Хорошая перспектива. Чем не армия? Только дедовщина какая-то магически-извращённая.

Запыхавшись, мы влетели в большую, полутемную комнату для собраний. Она была набита такими же, как мы, испуганными и недоумевающими первокурсниками. Все толпились, перешёптывались. Воздух был густ от страха и пота.

Двери с грохотом закрылись. Вперёд вышла та самая чер-

новолосая девица. Она встала на небольшое возвышение и обвела всех властным, презрительным взглядом. В комнате воцарилась мёртвая тишина.

— Добро пожаловать, перваки! — провозгласила она, и её голос звенел фальшивой, сладостной жестокостью. — Сейчас слушайте моё задание. Я не привыкла повторять дважды. Если не хотите остаться лузерами до самого окончания Академии, то вот ваша задача. Выполните — и вы свободны. Не выполните... ну, вы поняли.

Она сделала театральную паузу, наслаждаясь властью.

— Вам нужно в течении тридцати минут пробраться в Южное крыло. В любую комнату. И что-нибудь... стащить оттуда. Какой-нибудь предмет. Совсем маленький, не принципиально. Но факт кражи должен быть. Принести сюда и показать мне. Всё. На старт, внимание... марш!

Глава 10.1

Толпа на секунду замерла в нерешительности. Потом кто-то рванулся к двери. И понеслось. Стадный инстинкт, страх быть последним, сделали своё дело. Комната опустела за минуту.

Я стояла как вкопанная, переваривая услышанное. Мой внутренний старший следователь матерился на всём известном лексиконе.

Кража. Мелкая, показательная кража. С принуждением. Это не дедовщина. Это... это подготовка к будущим нарушениям. Это проверка на покорность и готовность переступить черту. Идиотизм!

Я пробились к Элис, которая металась у выхода.

— Объясни толком, — схватила я её за плечо. — Что там такого в Южном крыле? Почему именно туда?

Элис посмотрела на меня широко раскрытыми, полными ужаса глазами и прошептала, будто боялась, что стены услышат:

— Это... это крыло администрации: ректоров и старших магистров. Там их личные кабинеты и... и иногда спальни. Это запретная зона для адептов! Нас туда просто так не пускают!

Всё встало на свои места. И стало в тысячу раз хуже.

Южное крыло. Ториан Вейнер. Его кабинет. Его личные

покои. И мне, Лире Альв, объекту слухов о связи с ним, предлагают туда пробраться и что-то украсть.

Это не просто посвящение. Это или гениальная по своей жестокости ловушка, или чудовищное совпадение. Если меня поймают там — меня вышвырнут из академии к чертям собачьим, и никакие оправдания не помогут. «Она пробиравлась в покои ректора!» Скандал будет ядерный. А если не поймают... то у меня в руках окажется вещь, которая может быть использована против меня же. Или, что ещё хуже, я могу наткнуться на него самого.

Я посмотрела на Элис. Она была готова бежать на это самоубийство.

— Идём! — тянула она меня. — Надо что-то найти, что-нибудь маленькое!

— Стой, — я удержала её. — Ты в своём уме? Это же явная провокация! Нас подставляют!

— Но если не пойдём, мы станем изгоями навсегда! Здесь все так делают! Это традиция! — в её голосе была истерика.

Традиция. Великое оправдание для любого идиотизма. Я закрыла глаза на секунду. Принципы кричали: «Нет! Ни за что!». Инстинкт выживания шептал: «Или ты играешь по их грязным правилам, или тебя сотрут в порошок».

Я открыла глаза. Решение было холодным и неприятным.

— Ладно. Идём. Но не как испуганные овечки. Как... как разведчики. Тихо, осторожно, с головой. И мы ничего не «крадём». Мы... «заимствуем на время доказательства аб-

сурдности данной традиции». Поняла?

Элис не поняла, но кивнула, потому что я говорила твёрдо, как командир. Этого было достаточно.

Мы выскользнули в ночной коридор. Академия, обычно полная звуков, была пугающе тиха. Только наши шаги и далёкие шорохи других «перваков», крадущихся к своей судьбе.

Южное крыло. Запретная зона.

Ну что ж, — подумала я, подходя к тёмной арке, отделявшей его от остального мира. — Если это ловушка, то я в неё вхожу с открытыми глазами. А если это «традиция»... то я сделаю её последней. Для себя. И, возможно, для всех остальных.

Я сделала шаг из тени в тень, ведя за собой перепуганную Элис. Операция началась. Цель: не стать жертвой. Средства: всё, что помнилось из курса оперативно-розыскной деятельности и здравого смысла. Враг: система, традиции и, возможно, сам ректор, мирно спящий где-то в этих стенах.

Главное — не украсть что-то ценное. Главное — не попасться. И, если повезёт, найти что-то, что перевернёт эту грязную игру против её создателей.

Глава 11

Сердце колотилось где-то в районе горла, отдаваясь глухими, быстрыми ударами прямо в висках. Адреналин — старый знакомый, но в этом молодом теле он ощущался иначе: острее, ядовитее, заставляя пальцы слегка дрожать, а в ушах стоять лёгким звоном.

Мы, это братство по несчастью, рассыпались по периметру, как тараканы от внезапно включённого света. Каждый сам за себя. В суматохе я потеряла Элис из виду. Хорошо. Плохо. С одной стороны — некому паниковать и мешать. С другой — некому прикрыть спину.

Холодный рассудок, Константиновна. Оцени обстановку.

Правила просты: украсть из любой комнаты. Логика подсказывала: не лезть туда, где горит свет или слышны голоса. Не идти туда, куда побежали все — будет давка, шум, привлечёшь внимание. Нужно тихое, тёмное, желательно на отшибе.

Я рванула в противоположную сторону от основного потока, вдоль здания. Идеально. Выбрала самое дальнее окно, от которого не доносилось ни звука. Свет не горел.

Ловко (о, это молодое тело!) взобралась на подоконник. Окно было приоткрыто — проветривали. Неосторожно, господа магистры. Не следуете правилам безопасности. Я проскользнула внутрь, бесшумно приземлившись на мягкий ко-

вёр.

Тишина. Темнота, нарушаемая лишь серебристым светом луны, льющимся из окна. Я замерла, прислушиваясь. Ничего. Отлично. Место преступления готово.

— Нужно что-нибудь стащить. Что-нибудь... неброское, но однозначно принадлежащее хозяину.

Я бегло, но методично осмотрела комнату в лунном свете. Это был не кабинет, а нечто среднее между гостиной и спальней. Книжные шкафы, тяжёлые портьеры, камин... и у кровати, на прикроватном столике, лежал он.

Амулет. Не брошка, не безделушка. Солидный кусок металла в виде свернувшегося дракона. Глаза его были инкрустированы зелёными, мерцающими даже в полутьме камнями. Он выглядел дорого, старинно и... лично. Не казённая вещь. Личная.

Идеально, — мысленно похвалила я себя, хотя внутри что-то ёкнуло от неприятного ощущения. Взяла его. Он оказался на удивление тёплым и тяжёлым в ладони. Какая красота... и какая обуза.

И в этот самый момент, когда я уже собиралась ретироваться тем же путём, за дверью щёлкнул замок. Чёткий, громкий звук в тишине.

Вот же чёрт!

Мысли пронеслись со скоростью света: Не успею к окну! Шкаф? Под кровать? Но тело уже действовало на рефлексах — я, как тень, метнулась обратно к окну, выбросила ногу

наружу, выскользнула, не забыв прикрыть раму, и спрыгнула вниз, в кусты. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло. Я, не разгибаясь, просочилась вдоль стены, а потом, выбравшись на открытое пространство, пустилась бежать сломя голову к своему, теперь уже такому родному, убогому крылу.

Прибежав в комнату собраний, я, запыхавшаяся, с амулетом, стиснутым в потной ладони, с удивлением обнаружила, что была далеко не первой. Уже добрая половина «перваков» сидела там, сжимая в руках свои трофеи: у кого-то перо, у кого-то печать, у одной девочки — вообще шелковый носовой платок. На лицах — смесь облегчения, страха и гордости.

Я бегло осмотрела комнату. Элис! Она уже тут, сидела, прижимая к груди маленький хрустальный флакон. Мы переглянулись. В её взгляде — торжество и испуг. В моём, я надеюсь, — показное спокойствие. Я под села к ней, крепче держа амулет.

— Ты чего взяла? — прошептала она.

— Какую-то безделушку. А ты?

— Помаду... или что-то похожее. В красивой штучке.

Спустя время прибежали последние, самые медленные или самые нерешительные. Комната наполнилась сдавленными вздохами и шёпотом.

И тогда снова вышла вперёд наша «хозяйка» бала, черноволосая мегера. Она окинула нас оценивающим, хищным взглядом.

— Так, отлично! — заголосила она. — Похоже, все справились. Молодцы, не подвели! А теперь можете все возвращаться по своим комнатам и... спать.

В зале повисло недоумённое молчание. Все переглядывались. Это был какой-то слишком простой финал. Слишком... безопасный.

— И... это всё? — робко спросил кто-то с задних рядов.

На лице старшекурсницы расплылась ядовитая, довольная улыбка. Та самая, что бывает у следователя, когда он только что задал подсудимому каверзный вопрос.

— Ооо, милые мои, — протянула она сладким, ядовитым голосом. — А теперь — самое интересное. Веселье только начинается. То, что вы стащили... как правило, находится под личной защитой или вниманием этих самых ректоров и магистров. Завтра, послезавтра, через неделю... они начнут искать свои вещи. И теперь победит в нашей маленькой игре тот, кого не рассекретят. Чей «трофей» не будет обнаружен, и кто не будет публично уличён в том, что именно он стащил эту вещь из той самой комнаты.

Она наслаждалась моментом, наблюдая, как понимание, медленное и леденящее, сползает по нашим лицам.

— Удачи, первачки! Спите спокойно. Или нет.

Она развернулась и вышла, её свита, хихикая, поплелась за ней. Дверь закрылась.

Глава 11.1

В комнате воцарилась гробовая тишина. Потом её разорвал чей-то сдавленный всхлип. Все смотрели друг на друга уже не с облегчением, а с ужасом. Мы были не героями, выполнившими задание. Мы были идиотами, которые сами взяли и подписали себе приговор, держа его теперь в дрожащих руках.

Я только теперь до конца поняла, в какую жестокую, изошрённую ловушку мы все попали. Это была не проверка на смелость. Это была провокация с отложенным действием. Теперь любой из этих взрослых, влиятельных магистров мог в любой момент объявить о краже, устроить обыск, и мы, с вещдоком в руках, будем уничтожены. Отчислены, опозорены, возможно, отданы под магический суд, ведь здесь это так называется?

Я медленно разжала ладонь и посмотрела на амулет. Дракон с зелёными глазами смотрел на меня с немим укором. Он был красивым, дорогим и смертельно опасным. Вопрос — для кого больше? Для меня? Или для его владельца?

Хозяин, — думала я, сжимая холодный металл. — Кто ты? Обычный магистр? Или... В голове, против моей воли, всплыл образ Ториана Вейнера. Его зелёные, как малахит, глаза. Зелёные камни в амулете... Совпадение? Возможно. Но совпадения в оперативной работе — это первый звонок.

Я встала. Элис смотрела на меня, как на приговорённую к смерти.

— Всё пропало, Лира... Они нас теперь прижмут...

— Ещё нет, — отрезала я, пряча амулет в карман пижамы.
— Пока вещь у нас, а они не знают, у кого именно, — у нас есть время. И возможность.

— Какая возможность? — прошептала Элис.

— Возможность изучить «вещдок». Узнать о хозяине то, что он, возможно, скрывает. И, если повезёт, — найти способ защититься. Они думают, что загнали нас в угол. Но в углу, милая, иногда удобнее обороняться.

Я повела её к выходу, чувствуя тяжесть украденного дракона. Страх отступал, уступая место знакомому, почти профессиональному азарту. На меня совершено покушение. Вернее, на Лиру. Попытка поставить её в полную зависимость. Теперь у меня было дело. Настоящее дело.

Первым делом — спрятать улику так, чтобы её не нашли при поверхностном обыске. Вторым — узнать, кому принадлежат покои с открытым окном на западной стороне Южного крыла. И третьим... третьим было решить, что делать с этим знанием. Сдать старшекурсников? Опасно. Вернуть амулет анонимно? Рискованно. Использовать его как козырь? Амбициозно.

Я шла по спящему общежитию, и углы моего рта сами потянулись вверх, в жесткой, безрадостной улыбке. Ночь посвящения, говорите? Отличное посвящение. В мир взрослых

подлостей. Принимается. Но играть я буду по своим правилам.

Глава 12

Мой мозг работал, как мне казалось, на исходе своих сил. Я сидела на очередной нудной лекции, подперев подбородок рукой, но мысли вихрем крутились вокруг вчерашней ночи.

Амулет. Тяжёлый, тёплый, с зелёными глазами-камнями. Он сейчас лежал у меня под матрасом, завернутый в носовой платок. Идиотское место, первое, куда посмотрят при обыске. Нужно было срочно придумать что-то надёжнее. Что-то, что скроет его магический след, ауру, или как они это тут называют.

План А: выбросить в озеро. Отпадает. Во-первых, могут найти. Во-вторых, лишаясь потенциального козыря. В-третьих, если он действительно личная вещь, то хозяин может его как-то вызвать, приманить.
План Б: спрятать за пределами академии. Сложно. Нас не выпускают просто так.
План В: найти способ замаскировать. Идеально. Но как? Нужна информация.

Значит, после занятий напрямиком в библиотеку, — решила я. — Раз этот мир пропитан магией, должен быть раздел «Для начинающих преступников: как спрятать награбленное от всевидящего ока начальства».

Или что-то вроде «Защитные ауры и барьеры для личных вещей». Нужно искать от обратного: как охраняют, чтобы понять, как обойти охрану.

План был, в общем-то, ясен. Одно но: я не имела ни малейшего понятия, где искать подобное. В отделе «Тёмные искусства»? В «Основах безопасности»? В «Домашнем магическом хозяйстве»?

Я выпорхнула из своих невесёлых рассуждений и заметила, что занятие идёт уже добрых полчаса, а у кафедры — пусто. Странно. Где наш строгий, пунктуальный, вездесущий ректор? Он же никогда не опаздывает. Для него это святое — каждое утро тыкать нас, «первый круг», носом в наше тотальное невежество и магическую беспомощность. Упустить такой шанс? Непохоже на него.

Стоял непривычный, расслабленно-нервный гул. И тут дверь в аудиторию с такой силой распахнулась, что она ударилась о стену. В проёме, залитый гневной аурой, стоял Ториан Вейнер.

Он был не просто зол. Он был взбешён. Это читалось во всём: в резких движениях, в сведённых бровях, в том, как он, не глядя, швырнул пачку пергаментов и тяжёлый фолиант на кафедру. Грохот заставил сидевших на первых рядах подпрыгнуть.

— Простите за опоздание, — выдохнул он сквозь зубы, и его бархатный голос звучал как натянутая струна, готовая лопнуть. — Непредвиденные обстоятельства.

Я наблюдала за этой картиной с профессиональным, отстранённым любопытством. Нервничает. Потерял что-то важное. Или обнаружил пропажу. Сильно важное, раз выби-

ло его из привычной ледяной колеи. В голове тут же щёлкнула ассоциация: зелёные глаза амулета — его зелёные глаза. Совпадение? Возможно. Но время совпадения — подозрительное.

Он не стал ничего объяснять. Не стал читать лекцию. Он резко, почти отрывисто выпалил:

— Самостоятельная работа. Быстро достали пергамент. Тема: основные принципы стабилизации простых заклинаний. На всё — двадцать минут. Начинайте.

Пролетел вздох всеобщей досады и недоумения. Все переглянулись — это было не по расписанию, не по теме, это было странно и пугающе. Но послушаться в его нынешнем состоянии никто не решился. Послышался шорох пергамента, звон чернильниц.

Я, стараясь не выделяться, тоже развернула свой лист. «Основные принципы стабилизации»... Чёрт, а я вообще что-нибудь об этом знаю? Пришлось копаться в памяти Леры. Слава богу, базовые вещи там были.

Пока я выводила первые корявые руны, я украдкой наблюдала за ним. Он не сел. Он стоял у кафедры, скрестив руки, и его взгляд, тяжёлый и подозрительный, медленно, как луч прожектора, скользил по рядам. Он не проверял, списываем ли мы. Он искал. Искал кого-то или что-то. Его глаза выискивали не ответы в тетрадах, а признаки вины на лицах, может, неестественную выпуклость в карманах мантий, нервные движения.

Так, не палимся, Лира, — мысленно приказала я себе и той части, что дрожала внутри. — Пиши. Гляди в пергамент. Дыши ровно. Он просто начальник, который потерял любимую вещь и теперь подозревает всех подряд.

Но это было сложно. Потому что я почувствовала, как этот «луч прожектора» добрался до нашего, заднего ряда. Он замедлился. Прошёлся по Элис (та чуть не уронила перо), по парню рядом... и остановился на мне.

Я чувствовала жгучий вес этого взгляда на своей щеке, на руках, на склонённой голове. Хотелось поднять взгляд и встретиться с ним глазами, бросить вызов: «Чего уставился?» Но это было бы чистым безумием. Спокойствие, только спокойствие. Ты ни в чём не виновата. Ну, почти.

Я углубилась в написание очередной бессмысленной, на мой взгляд, формулы, стараясь, чтобы рука не дрожала. Кажется, это длилось вечность. Наконец, взгляд отполз. Но напряжение в воздухе не спало.

Прозвенел звонок. Ториан резко махнул рукой.

— Сдать на выходе. Быстро.

Все, как ошпаренные, бросились к выходу, складывая работы в стопку на столе у двери. Я была в середине толпы, стараясь не выделяться. Положила свой пергамент, сделала шаг в коридор...

И снова почувствовала его. Взгляд. На спине. Тяжёлый, пристальный, неотрывный. Он будто выжигал дыру между лопаток.

Хватит паяться! — закричало во мне всё естество. Но я лишь стиснула зубы, выпрямила спину и зашагала прочь — не быстро, не бегом, а ровно, уверенно, как будто мне совершенно нечего скрывать.

Глава 12.1

Только свернув за угол, я позволила себе выдохнуть. Адреналин снова застучал в висках. Это было слишком. Он что, заподозрил? Или это паранойя? Но его поведение... оно кричало о потере. О важной потере.

Я не пошла в столовую и не вернулась в комнату. Я почти бегом направилась в библиотеку. План «найти информацию» из разряда «желательно» перешёл в категорию «срочно, жизненно необходимо».

Библиотека Академии Лунного Пламени оказалась таким же монументальным и пугающим сооружением, как и всё здесь. Бесконечные ряды полок, уходящих в полутьму, лестницы, ведущие на круговые галереи. Пахло пылью и древней бумагой — видимо, от защитных чар на редких фолиантах.

Я застыла у входа, чувствуя себя муравьём среди этого величия. С чего начать?

— Простые защитные чары на жилище... Соккрытие магических следов... Неприметность для сканирующих заклинаний... — бормотала я про себя, бродя между стеллажами.

Мне повезло. Через полчаса бесцельного блуждания я наткнулась на скромный отдел под названием «Безопасность быта и путешествий». Звучало успокаивающе. Я стала листать самые потрёпанные тома. «Как уберечь домашний очаг от злых духов», «Защита багажа от воришек», «Простые обе-

реги для личных вещей»...

И вот оно. Небольшая, неприметная глава в книге «Магия для рассеянных волшебников»: «О сокрытии малой вещи от розыскных чар».

Моё сердце екнуло. Я оглянулась — вокруг ни души, только пыльные лучи света из высоких окон. Я пристроилась у стеллажа и начала жадно читать.

—...для сокрытия предмета от поиска рекомендуется использовать принцип симпатической магии: заключить объект в сосуд из природного материала, не проводящего магические импульсы (свинец, черный дуб, камень с глубоких подземелий)... дополнительно можно обернуть его тканью, пропитанной отваром папоротника, собранного в новолуние... важно: данный метод не сработает против целенаправленного, персонального поиска, если искатель обладает сильной личной связью с предметом или образцом его ауры...

Я оторвалась от текста. Свинец? Черный дуб? Папоротник в новолуние? Где я, чёрт возьми, это всё возьму? Это же не отдел хозяйственных товаров!

Но принцип был ясен: нужен изолятор. Что-то, что заглушит «сигнал». И второй, тревожный вывод: если у хозяина сильная связь с вещью или он знает, как она «пахнет» магически, то эти кустарные методы могут не помочь.

Я вспомнила тёплый, почти живой вес амулета в руке. Да, связь была. Сильная.

— Отлично, — прошептала я, закрывая книгу. — Значит, нужно не просто спрятать. Нужно либо уничтожить связь (как? неясно), либо... сделать так, чтобы искать его у меня было бессмысленно или опасно для самого искателя.

Идея, тёмная и рискованная, начала вызревать в моей голове. Что, если не просто спрятать? Что, если подготовить ловушку? Если хозяин придёт с обыском... можно ли настроить этот «сосуд» не на изоляцию, а на что-то иное? На обратный удар? На ложный след?

Для этого нужны были не бытовые советы, а что-то посерьёзнее. Возможно, из раздела «Защитная магия».

Я вздохнула и пошла дальше вглубь библиотеки, в более тёмные и пустынные ряды. Теперь я искала уже не просто справочник, а оружие. Оружие для обороны. И первым шагом к этому оружию было понимание.

Понимание того, что за вещь я украла. И насколько его хозяин готов пойти, чтобы вернуть этот амулет обратно.

Глава 13

Битый час. Целый, непродуктивный, выматывающий битый час я рыскала по этим бесконечным, пахнущим пылью и высокомерием стеллажам. Мой мозг, отточенный на статьях Уголовного кодекса и протоколах допросов, буквально скрипел от напряжения, пытаясь воспринять эту... эту словесную окрошку из «симпатических резонансов», «аурных ревербераций» и «эфирных инверсий».

Господи, — мысленно стонала я, откидывая очередной фолиант со схемами, похожими на кардиограмму шизофреника. — Мне проще было выучить наизусть весь Уголовный кодекс с комментариями, чем это... это непонятно что! Всё проще было! Украл — поймали — статья. А тут: украл — спрячь так, чтобы тебя не нашли через потусторонний резонанс! Бред!

Я упёрлась взглядом в последнюю, самую неприметную книгу на нижней полке. Название стерлось. Переплёт был из грубой кожи, похожий на кожу ящерицы. Ладно, — подумала я с последней надеждой. — Последняя попытка. Если тут ничего путного нет — всё. Завершаю карьеру вора-неудачника и иду сдаваться с повинной. Или свихнусь.

Я открыла её. Страницы были из плотного, шершавого пергамента. И среди привычной абракадабры мелькнули строчки, от которых у меня заколотилось сердце. Не потому,

что я их поняла, а потому, что они структурированно выглядели. Как инструкция.

...для временного сокрытия связи артефакта с владельцем... необходимо наложить на предмет заклятие симпатического обмана... дабы вещь уверовала, что её хозяин — вы...

— Эврика! — вырвалось у меня шёпотом. Вот оно! Временное решение. Пока хозяева ищут свои пожитки, амулет будет думать, что он мой. А потом, когда шум уляжется, я его тихонечко верну на место. Гениально и просто!

Я пробежала глазами дальше. ...произнести приведённое ниже заклинание на языке драконов...

Я замерла. Язык драконов. Что?

— О боже, — прошептала я, вглядываясь в странные, угловатые руны под текстом. — Что это за набор непонятных... иероглифов?

И тут, тихо, словно из глубины колодца, прозвучал голос. Не мой. Лирь.

— Это... драконий язык.

Я так и обомлела, мысленно уставившись в эту внутреннюю темноту.

— Что-что? Ты... ты знаешь в нём что-нибудь?

Ответ пришёл, робкий, но уверенный в своей узкой области знания:

— Совсем немного. Но... базовые заклинания для обращения с артефактами... я изучала сама. Мне это было инте-

ресно.

— Так, — проговорила я вслух, чтобы успокоить и себя, и её. — Значит, нужно прочесть заклинание-обман, чтобы вещь подумала, что её хозяин — я. И... обязательно надеть её на себя после ритуала. Логично. Чтобы закрепить связь.

Я захлопнула книгу с чувством глубокого, почти физического облегчения. План был. Пусть и шаткий, как мост из паутины, но план. Я подскочила, отнесла книгу к библиотекарю, оформила её на дом и быстрым, решительным шагом направилась к выходу.

И тут — о нет. Снова. Этот жгучий, ползучий, невыносимый взгляд. Он будто прилип к моей спине, к затылку, к плечам. Я всеми фибрами души чувствовала, что это он. Ториан. Стоит где-то на балконе, в тени колонн и пялится. Ищет. Сканирует.

— Спокойствие, Константиновна, — прошипела я себе под нос. — Не подавай виду. Иди как ни в чём не бывало. Ты просто ученица, идущая с книгой по... магическим грибам.

Я выпрямила спину, подняла подбородок и зашагала ещё увереннее, хотя внутри всё дрожало. Я прошла по коридорам, чувствуя этот взгляд, пока он не отлип на повороте к общезнанию.

Как ошпаренная, я влетела в комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней, закрыв глаза. Господи, какое везение — Элис не было. Видимо, тоже где-то шарахается от всеобщей паранойи.

— Работа, работа, — прошептала я, оттолкнувшись от двери.

Я быстро достала амулет из-под матраца. Дракон с зелёными глазами холодно блестел в скудном свете. Потом раскрыла книгу на нужной странице. Руны смотрели на меня, как шифр из другого мира.

Ладно, Лира, — мысленно сказала я. — Выступай. Диктуй. Я буду повторять. Только, ради всего святого, ничего не напутай.

Я почувствовала лёгкое, почти незаметное движение внутри, как будто кто-то перелистнул страницу в моей памяти. И голос, тихий, но чёткий, начал звучать у меня в голове, складывая странные, гортанные, полные шипящих и раскатистых звуков слова. Я повторяла их вслух, стараясь точно копировать интонацию. Звучало это, наверное, как попытка кошки выудить рыбью кость из горла.

Я читала, глядя на амулет. Никакого сияния, никаких вспышек света, никакого гула энергии. Тишина. Только мои неуверенные слова.

Я закончила. И замерла.

Тишина.

Я огляделась. Получилось? Чёрт его знает. Никаких внешних признаков. В магии, похоже, не было такого понятия, как зелёная лампочка «готово».

— Ну что ж, — вздохнула я. — Надеюсь, сработало.

Я взяла цепочку амулета и надела его на шею. Металл,

прежде холодный, теперь казался... тёплым. И в тот момент, когда он коснулся кожи у груди, я почувствовала лёгкую, едва уловимую вибрацию. И... мне показалось, что дракон с зелёными камнями вместо глаз, довольно замурлыкал? Тихим, металлическим, довольным звуком, похожим на работу крошечного, хорошо смазанного механизма.

— Так, — сказала я, тронув амулет пальцем. — Это странно. Очень странно. Но надеюсь, что это хороший знак.

Я встала с колен, сунула книгу в сумку (надо будет вернуть как можно скорее), и тут дверь распахнулась с такой силой, что я чуть не подпрыгнула.

В комнату, словно ураган, влетела Элис. Лицо её было белым, как снег, глаза — огромными от ужаса. — Скорее! — выпалила она, задыхаясь. — Всех собирают в главном зале! Срочно! Говорят... говорят, это связано с исчезновением личных вещей у ректора и преподавателей! Они что-то узнали!

Она схватила меня за руку, её пальцы были ледяными.

— Лира, мы пропали! Они всех будут проверять! Обыскивать! Что нам делать?!

Всё внутри у меня похолодело. Временное заклинание... только что наложенное... неопробованное. Амулет на моей шее, который только что мурлыкал. Книга с инструкцией по обману в сумке. И официальное собрание, на котором, я не сомневалась, будет присутствовать сам Ториан Вейнер, потерявший что-то очень для себя важное.

Я посмотрела на перепуганную Элис, потом на дверь, за которой уже слышались гулкие шаги и голоса, сгоняющие всех в зал.

— Что делать? — тихо повторила я её вопрос. — Идти. Смотреть. И надеяться, что нас пронесет.

Я поправила воротник мантии, скрывая цепочку, и сделала шаг вперёд. Начинался самый важный допрос в моей жизни. И я шла на него с краденым вещдоком на шее и с магическим обманом, в работоспособности которого не была уверена даже на пять процентов.

Ну что ж, Лира, — подумала я, выходя в коридор. — Проверка боем. Если выдержим — будем героями. Если нет... ну, что ж, я уже однажды умерла. Второй раз, надеюсь, будет не так страшно.

Дорогие мои читатели!

Следующая глава будет в воскресенье.

А еще мне очень интересны ваши впечатления о книге, как вам?

Мне будет очень приятно если оставите небольшой комментарий под книгой))))))

Глава 14

Я сидела, вжавшись в спинку деревянного стула где-то с краю зала, прямо у выхода. Ага, удачная позиция, — саркастически отметила я про себя. — Будто есть куда бежать, если начнётся облава. Но психологически — ближе к двери — было немного спокойнее.

Я старалась держать лицо. Спокойное, слегка отстранённое, может, даже немного скучающее. Маска усталой ученицы, которую оторвали от важных дел. Но внутри, где сейчас лежал тёплый и мурлыкающий амулет, сидел холодный червячок сомнения. Сработало ли заклинание? Мы правильно произнесли эти кошмарные гортанные звуки? И самый главный идиотский вопрос: а я ведь принесла улику прямо на себе. На шее, как клеймо. Гениальная оперативная комбинация, Константиновна. Просто блеск.

Ну, Лира, — мысленно обратилась я к своей молчаливой соучастнице. — Надеюсь, мы всё сделали правильно. А если нет... ну, что ж, посидим вместе в тюрьме. Будет о чём поговорить.

Элис, сидевшая рядом, дрожала, как осиновый лист на ветру. Её коленки отбивали дробь по деревянному полу. Я толкнула её локтем, не глядя.

— Тише ты, — прошипела я сквозь зубы. — Ты только так себя ещё больше выдаёшь. Сиди спокойно. Ещё ничего

не доказано.

Мой аргумент повис в воздухе, не достигнув цели. Она лишь глотнула воздух и заморгала ещё быстрее. Молодая. Глупая. Что с неё взять.

На сцене зазвучал басистый, напыщенный голос магистра.

— Уважаемые адепты! Мы собрали вас здесь, потому что из года в год повторяется одно и то же! — начал он, и в его тоне сквозила театральная скорбь. — Мы не можем до конца искоренить эту... глупую, детскую традицию. Но вы должны понимать: вы взяли не просто безделушки! Вы взяли личные вещи! Вещи, на которые могут быть наложены мощнейшие защитные чары, следящие заклятья, а то и... — он сделал паузу для пущего эффекта, — проклятия! Это уже не шутки, дети!

В зале пронёсся испуганный шёпот. Магистр, довольный реакцией, продолжал:

— Поэтому, дабы избежать суровых последствий, вплоть до исключения из стен Академии, мы предлагаем вам выход. До того как наши маги найдут эти вещи в ваших комнатах... встаньте сейчас и добровольно верните их! Добровольность смягчит вашу участь.

Чистейшая ложь. Классический приём: создать максимальную угрозу («проклятия», «исключение»), а потом дать ложный клапан для сброса пара — «добровольное признание». Сломать волю через стадный инстинкт и страх.

Я видела, как у многих в глазах пробежал настоящий ужас

при слове «исключение». Кто-то побледнел. Кто-то, наверное, уже мысленно проклинал тот миг, когда согласился на эту дурацкую авантюру.

И началось. Сначала неуверенно, с задних рядов, поднялась одна девушка. Потом ещё один парень. Потом — как лавина. Поднимались, не глядя друг на друга, с лицами осуждённых. Жалкая куча стыда и страха.

Вот же трусы! — мысленно фыркнула я. — Сломались на первом же нажиме. Ни стержня, ни характера.

И тут Элис дёрнулась. Я почувствовала это движение всем боком.

— Не смей, — резко, почти по-командирски шикнула я, не поворачивая головы. — Ты понимаешь, что это ловушка? Добровольность — это фикция! Они уже всех записали в список, как только мы вчера разбежались!

Но было поздно. Она встала на трясущихся ногах, с виноватым взглядом, брошенным в мою сторону, надеясь откупиться малой кровью. Ага, как же, — подумала я с горечью. — Теперь тебя отметят не просто как участницу, а как слабую, которая сдалась первой. Им это только на руку. Я-то знаю, как любят таких «сознательных»: используют, а потом выкидывают.

Пока я мысленно вела эту яростную борьбу с идиотизмом происходящего, я не заметила, как зал вокруг меня опустел. Все мои «братья и сёстры по несчастью» — встали. Каждый. Я осталась сидеть одна, как чёрная, упрямая скала в потоке

паникующей воды.

Я встретила взглядом с Торианом. Он стоял чуть в стороне от магистра. Не улыбался. Не хмурился. Просто смотрел. Его зелёные глаза, холодные и всевидящие, были прикованы ко мне. В них читался не гнев, а... испытующее любопытство. Как будто он наблюдал за редким, непонятным насекомым, которое не шелохнулось, когда на него направили увеличительное стекло. Видимо, наблюдал, струшу ли я. Ага, сейчас. Не дождешься, милоч.

Магистр закончил принимать «добровольные возвраты» и обвёл зал взглядом. Его взгляд задержался на мне, единственной оставшейся сидеть фигуре. В его глазах промелькнуло раздражение, смешанное с недоумением. Он вздохнул, этот театральный вздох человека, уставшего от непонятливых детей.

— Хорошо, — сказал он. — Все могут быть свободны. Подумайте над своим поведением. А вы... мисс Альв. Ко мне. В кабинет.

В зале, уже наполненном уходящими, но замершими на мгновение учениками, повисла гробовая тишина. Потом на меня обрушился шквал взглядов: испуганных, сочувственных, злорадных. Я стала главным спектаклем.

Я опешила. На секунду. Потом внутри закипела такая ярость, такой фонтан чистейшего, нецензурного бешенства, что я едва не задохнулась. Вот же... Вот твою мать... Вот... Мозг выдавал лишь обрывки брани, которую нельзя было

выкрикнуть вслух.

Похоже, я таки влипла. По полной программе.

Я медленно, с достоинством, которого не чувствовала, поднялась. Ноги слушались. Спина была прямее, чем у гвардейца на параде.

Я шла за пурпурной мантией магистра, не оглядываясь. Но кожей спины чувствовала тот самый, жгучий взгляд Ториана Вейнера. Он не пошёл с нами. Он остался стоять. Наблюдать. Но я знала — кабинет магистра — это только предварительный этап. Антракт. Главное действие будет с ним.

Дверь в кабинет магистра закрылась за мной с мягким, но окончательным щелчком. Он обошёл свой стол и уселся, глядя на меня поверх сложенных рук.

— Ну, мисс Альв, — начал он. — Объясните мне своё упрямство. Все поняли серьёзность ситуации. Все проявили раскаяние. Почему вы — нет?

Я стояла по стойке «смирно», глядя ему прямо в глаза. Внутри бурлила ярость, но голос, когда я заговорила, был ледяным и чётким.

— Потому что, господин магистр, я не считаю, что совершила что-то, требующее раскаяния перед вами. И потому что добровольное признание под давлением — это не раскаяние. Это капитуляция. А я не привыкла капитулировать, не увидев доказательств обвинения.

Он откинулся на спинку кресла, и на его лице появилось странное выражение — не гнева, а почти... уважающе-

го удивления.

— Ох, мисс Альв, — протянул он. — Вы либо очень смелы. Либо очень глупы. Либо... вы знаете нечто, чего не знают остальные. В любом случае, я думаю, наш ректор будет очень заинтересован побеседовать с вами лично. Подождите здесь.

Он встал и вышел, оставив меня одну в роскошном, тихом кабинете, полном книг и магических безделушек. И с тёплым, мурлыкающим украденным драконом на шее.

Отлично, — подумала я, подходя к окну и глядя на темнеющие башни академии. — Передали по эстафете. Ну что ж, Ториан Вейнер. Готовься. Твоя тихая, запуганная Лира уже не та. А вместо неё с тобой будет вести, злой старший следователь, у которого в кармане, точнее, на шее — вещдок. Посмотрим, кто кого будет допрашивать.

Глава 15

Оставшись наедине с собой в кабинете магистра, я поняла, что время, которое у меня есть до прихода ректора, нужно использовать с умом. Не для паники. Для сбора информации. У меня был единственный, но ключевой свидетель, чьи показания я до сих пор толком не снимала. Сама потерпевшая. Вернее, её душевные останки, сидящие во мне.

Я мысленно откинулась на спинку несуществующего стула, взяла невидимый блокнот и прочистила горло. Начинаем допрос.

Так, Лира, — начала я внутренне, стараясь, чтобы мой «мысленный голос» звучал не как приказ, а как требование коллеги. — Просвети меня. Окончательно и без дураков. Что же всё-таки было между тобой и этим Торианом? И какая конкретно крыса, или кошка пробежала между вами, что всё так... загорелось синим пламенем?

Я чувствовала, как внутри что-то съёжилось, сжалось в болезненный комок. Это была болезненная тема. Самая болезненная. Но деваться было некуда. Чтобы владеть ситуацией, нужно владеть фактами. Даже самыми грязными.

Ответ пришёл не сразу. Сначала — волна стыда. Потом — острая, сладковатая горечь воспоминаний. И наконец, робкий, сбивчивый внутренний голос, похожий на голос ребёнка, которого заставили рассказать, как его обидели:

Этим летом... я ещё не поступила сюда. Мы встретились вне Академии. В городской библиотеке. Он был... другим. Не ректором. Просто Торианом. Увлечённым, остроумным, с глазами, в которых я тонула.

Картинки всплывали обрывками: смех за чашкой кофе, прогулки под дождём, разговоры до рассвета о звёздах и магии, которая была не учебником, а поэзией.

Мы до безумия полюбили друг друга. И когда я сюда поступила... мы же не могли просто так расстаться. Мы пошли на уговор. Строгий, как клятва. В стенах Академии мы — никто друг для друга. Ректор и адептка. Ни взгляда, ни слова лишнего. Мы готовы были на эту жертву. Ради него, ради его положения... ради нашего будущего, как я тогда думала.

Потом тон сменился. Горький, предательский.

Но поползли слухи. Сразу, откуда-то изнутри. Грязные, липкие. Что я... что я сплю с ним за оценки, за покровительство. Что он развлекается с первокурсницами. Хотя у нас ничего... в стенах не было! Мы лишь изредка... переписывались. Тайно.

Я чувствовала, как её (наше?) горло сжимает спазм.

И самое ужасное... Ториан... он ничего не сделал. Никто не был наказан. Он не выступил с опровержением. Он просто... отступил. Заморозил меня взглядом. Стал тем самым ректором Вейнером. Он позволил этому случиться. И даже... даже не объяснился. Ни разу. Как будто всё, что было между нами... было ошибкой, которую нужно стереть.

Она «дрожала» внутри меня. Слишком больно. Слишком свежо, несмотря на прошедшее время. Это была не просто обида. Это была травма предательства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.